

История в лицах

Продолжение.
Начало в № 26, 29,
35, 38, 50

Невозможно сосчитать, сколько мгновений запечатлел на плёнке его старенький «ФЭД».

В фотографиях Николая Нестеренко – вся послевоенная жизнь комбината, вплоть до конца 80-х годов. В Магнитогорск он приехал в начале 30-х из белорусской деревни. Работал электромонтёром. Как и когда увлёкся фотоделом – неизвестно, но Магнитка в то время переживала пик увлечения фотографией, практически в каждом коллективе, Доме культуры, школе был фотокружок. Так что попасть под «обаяние» «Фотокора» или «Лейки» было не сложно. В 1939 году Николай ушёл в армию. Когда срок службы подходил к концу, началась Великая Отечественная война, и он вместе с товарищами оказался на фронте. Попал в СМЕРШ. После демобилизации вернулся в Магнитку, а позднее стал сотрудничать с заводской многотиражкой «Магнитогорский металл».

«Николай Герасимович целыми днями не снимал с плеча старенький «ФЭД», – вспоминал бывший главный редактор «ММ» Юрий Левицкий. – Добросовестнейший фотокорреспондент, он клал на стол стопку готовых к очередному номеру снимков передовых трудящихся – выбирай, кого хочешь: разные люди в разных позах на разных рабочих местах. Николая Герасимовича редко кто видел в редакции. Он либо ходил по цехам, либо закрывался в редакционном фотоотсеке с красным фонарём – проявлял, сушил свою продукцию. Даже редактора впускал к себе с большой неохотой, а об остальных и говорить нечего. Худой, высокий, с непроницаемым, бесстрастным, всегда свежесбранным лицом, всегда в одном и том же костюме с одним и тем же галстуком, завязанным одним и тем же узлом, редко разговаривающий вообще, он если вдруг оказывался среди разговаривающих, то преимущественно молча слушал и уходил внезапно, не дожидаясь удобного случая. Все знали, что Нестеренко воевал в Великую Отечественную то ли шифровальщиком, то ли другим каким-то засекреченным профессионалом».

«Мне хотелось бы сказать слово об одном из чернорабочих газеты, который, сбросив с плеч страшную и опустошительную войну, взял на себя неблагодарный груз журналиста-фотокорреспондента. Это известный фотожурналист и прекрасный человек Николай Герасимович Нестеренко, – писал в одном из своих материалов журналист «ММ», поэт Александр Павлов. – Демобилизованный и вольный, как ветер, пришёл я в редакцию. Был у меня опыт работы в горячих цехах ещё до армии, но не было опыта общения с людьми, что так необходим журналисту. Тогда не понимал, почему Николай Герасимович стал уж слишком опекать меня, начинающего балбеса. Поначалу его выговоры казались навязчивыми и надуманными. Это сейчас, с высоты прожитых лет, низко склоняю голову перед этим поистине мудрым, тактичным и добрым человеком... Встречаюсь с металлургом. В зубах любимая папироса, настежь распахнут блокнот с фирменной надписью «Магнитогорский металл». Задаю вопросы, но чувствую, что ответы шаблонные, чую, что застёгнут он на все пуговицы. Не пойму, в чём тут дело. По дороге в редакцию Николай Герасимович говорит: «Разве так можно разговаривать с людьми?! Куришь, цедишь сквозь зубы вопросы, всё до буквы пытаешься взять на карандаш. Представь себя на его месте. Да разве может получиться разговор по душам, который потом, преобразившись в газет-

Газета в рабочей спецовке

«ММ» продолжает публикацию материалов, посвящённых 85-летию газеты и людям, которые её создавали

Николай Нестеренко в поисках удачного ракурса

За работой. Вид на Соцгород с горы Карадыр

Подготовка фотовыставки

ный материал, вызовет ответные чувства у человека и читателя?» Много дней почёсывал темечко, осмысливая сказанное Николаем Герасимовичем.

«В течение месяца он обязательно обходил весь комбинат, – вспоминал журналист Миндихан Котлухужин. – Что примечательно, всю зиму носил фуражку и осенние штiblеты. Опе-

кал молодых, помогал, знакомил с комбинатом. Ревностно относился к содержанию корреспонденции, даже рукописи читал и высказывал замечания. Сердился, если кто-то

допускал неточности в описании технологических процессов».

«Зимнюю шапку-ушанку Николай Герасимович впервые надел уже почти в пенсионном возрасте, – отмечал Александр Павлов. – И тёплые ботинки тоже. Мы все удивлялись, как это он не мёрзнет в лютую стужу, на жёстком магнитогорском ветре в кепке, осеннем пальто и лёгких штiblетах. Перчатки у него были, но они всегда лежали в карманах, там они и истлели. Когда у него интересовались происхождением такой зимостойкости, он отшучивался: «Фронтная закалка».

В «Магнитогорском металле» Николай Герасимович проработал более тридцати лет, он и своё семидесятилетие встретил на работе. Директор ММК И. Х. Ромазан на директорском графике вручил фотографу-фронтовику именной подарок. Он никогда не бравировал военными и трудовыми заслугами, отказывался от всех льгот. Работал самозабвенно и тщательно, до буквы уточнял фамилии, имена, отчества снимаемых, профессии, должности, названия участков и производств: а как же – это ведь люди, это – газета, которую читают тысячи горожан. И если в «Металле» появлялись его снимки, то можно было быть уверенным, что ошибок нет.

«Он нёс лучшие традиции газетного дела, – рассказывал литературный редактор «ММ» Владимир Каганис. – Скрупулёзность и аккуратность в работе. Жёсткая фактографичность. Указывал только факты, справедливо полагая, что читатель сам разберётся. Его фотофакты не носили следа сиюминутности. Его врождённая интеллигентность сочеталась с уважением к тем, с кем он имел дело».

«Что удивляло в Герасимыче, шёл ли он на домну, или в мартен – всегда в белой рубашке, галстуке, костюме, – вспоминал о коллеге фотограф Василий Макаренко. – Объяснить это можно только так: уважал себя и свою профессию.

**Знал комбинат,
знал своё дело,
всегда подчёркивал:
главное – это лицо**

Что бы он ни говорил, к нему прислушивались все, вплоть до главного редактора. Жизненный опыт давал ему такое право. Николай Герасимович был нравственным цензором «Металла» и его коллектива. Рядом с ним невозможно было поступать плохо. Он не сдавался и в последние годы жизни, когда серьёзно болел. Видел плохо, узнавал людей по голосу. Но всегда улыбался и шутил».

Николай Герасимович жил аскетично, довольствуясь лишь самым необходимым. Справедливый не на словах, а в жизни, он стеснялся внимания к себе и очень дорожил этим вниманием. А потому двери его крохотной «однушки» всегда были гостеприимно распахнуты для коллег.

Когда Николай Нестеренко ушёл из жизни, коллеги-металлурги разместили на страницах газеты некролог, где отметили, что такие люди, «как Герасимыч», не уходят. Они остаются не только в памяти, но и в подробнейшей, точнейшей фотолетописи времени. Сделанные им уникальные кадры запечатлели удивительные мгновения века, десятки тысяч людей разных поколений и возрастов, значительные и совсем крохотные события. Из всего этого складывается широкое и предельно честное полотно, из которого нельзя убрать ни единого штриха.

Елена Брызгалина